

Н. Н. Кошкарлова

ТАКТИКА УГРОЗЫ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ КОНФРОНТАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ В НОВОСТНЫХ ЖАНРАХ

Анализируется реализация тактики угрозы на материале новостных жанров. Тактика угрозы репрезентирует конфронтационную стратегию, которая бытует в рамках лингвопрагматического блока соответствующих моделей конфликтного и кооперативного типов дискурса. Новостные жанры рассматриваются как функционирующие в межкультурном политическом пространстве. При этом выделяются три случая реализации тактики угрозы: начало конфликтной коммуникации; ответная реакция на какое-то действие, совершенное оппонентом (третьим лицом); эмоциональная реакция. Все выделенные случаи представляют четкую экспликацию тактики угрозы с помощью лексических, грамматических и других языковых показателей. Определяются возможные перспективы исследования, к которым относится анализ когнитивно-маркированных случаев тактики угрозы, которые требуют от ученого дополнительных усилий при классификации тех или иных высказываний как деструктивных.

Ключевые слова: *конфронтационная стратегия, тактика угрозы, новостные жанры, конфликтный дискурс, моделирование.*

Целью настоящего исследования является описание реализации конфронтационной стратегии через тактику угрозы на материале новостных жанров, функционирующих в межкультурном политическом пространстве. Новостные жанры как элемент современного компьютерно-опосредованного медийного дискурса обладают своими аксиологическими, жанрово-стилистическими и лингвопрагматическими характеристиками. Такое утверждение созвучно определению медиасферы как «особой подсистемы речевого общения, имеющей свою специфику» [1, с. 19]. При выделении медийных коммуникативных универсалий (законов и реализующих их принципов организации медиатекстов) Н. С. Болотнова указывает на тот факт, что если в художественной сфере речь идет о гармонизации общения, то в массмедиа коммуникативные универсалии ориентированы на «многофункциональное общение и воздействие не только в целях гармонизации, но и в целях манипуляции, убеждения, принуждения и т. д.» [1, с. 21].

Данное положение подтверждается авторскими исследованиями конфликтного и кооперативного типов дискурса и описанными моделями данных типов интеракции [2–4]. Модели как конфликтного, так и кооперативного типов дискурса представляют собой комплексные образования, включающие аксиологическую, жанрово-стилистическую и лингвопрагматическую составляющие. В модель конфликтного дискурса включены следующие компоненты:

I. Функционально-аксиологический блок.

1. Функции конфликтного дискурса: информативная, воздействующая, аналитическая, интерактивная, оценочная, манипулятивная, интерпретативная.

2. Ценности конфликтного дискурса.

II. Жанрово-стилистический блок.

1. Жанровый корпус конфликтного дискурса.
2. Тематика конфликтного дискурса.
3. Участники конфликтного дискурса.
4. Хронотоп конфликтного дискурса.
5. Речевые средства конфликтного дискурса.

III. Лингвопрагматический блок.

1. Стратегии и тактики конфликтного дискурса.
2. Факты деструкции дискурса.

При описании модели кооперативного дискурса сохранится номенклатура компонентов деструктивной разновидности интеракции, однако прагматические характеристики последнего диктуют смену функций, реализуемых данным типом интеракции (для кооперативного дискурса характерны информформирующая, оценочная, гармонизирующая и прогностическая функции), а также вариативность последнего элемента, определяющего формы конструктивной направленности кооперативного дискурса. Обозначенные модели представляют собой модификацию последней, разработанную и подробно описанную на материале различных видов дискурса (педагогический, религиозный, научный, политический, медицинский) В. И. Карасиком [5–8]. В предложенную автором модель конфликтного дискурса включены также компоненты, выделенные Н. Б. Руженцевой и Ю. А. Антоновой при анализе межнационального дискурса (жанровый корпус, деструкция) [9].

Репертуар компонентов того или иного типа дискурса зависит от его реализации в различных жанрах современной политической коммуникации. При этом жанровая интенция и форма бытования текстов политического дискурса может детерминироваться областью взаимодействия субъекта, объекта и наблюдателя, представляющих разные национально-культурные сообщества, в понимании автора статьи, межкультурным политическим пространством. Интересным представляется изучение

того, как «ведут» себя традиционные журналистские жанры при взаимодействии и (или) взаимопроникновении различных стран и наций.

Не вызывает сомнения тот факт, что одним из самых продуктивных жанров журналистики, успешно инкорпорированным в межкультурное политическое пространство, являются новости. Новостные жанры обладают своей спецификой на всех уровнях реализации описанных выше моделей конфликтного и кооперативного типов дискурса: функционально-аксиологический, жанрово-стилистический, лингвопрагматический. В настоящем исследовании ограничимся описанием одной из тактик реализации конфронтационной стратегии на материале указанного жанра.

Поясним причины такого выбора. Новости, обладая достаточно сильным агрессивным потенциалом, реализуют конфронтационную стратегию и соответствующие этой стратегии тактики с отрицательно-оценочным прагматическим потенциалом: обвинение, угроза, оскорбление, критика, осуждение, упрек. Анализ речевого материала показывает, что номенклатура речевых тактик в новостных жанрах может быть дополнена списком побудительных тактик: призыв, требование, просьба, предупреждение. При этом кооперативным прагматическим потенциалом будут обладать тактики предложения, совета, просьбы.

В современном межкультурном политическом пространстве угроза может быть началом конфликтной коммуникации, ответной реакцией на какое-то действие, совершенное оппонентом (третьим лицом) или эмоциональной реакцией. Приведем примеры семантизации выделенных значений тактики угрозы как реализации конфронтационной стратегии.

Так, 1 сентября 2014 г. на сайте информационного агентства «РИА новости» был размещен материал под заголовком *СМИ: Кэмерон пригрозил нанести непоправимый ущерб российской экономике*. В самом материале читаем: *Премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон заявил, что санкции, введенные странами Запада против РФ, «нанесут непоправимый вред российской экономике», сообщает The Telegraph. «Мы должны подать сигнал, не дожидаясь, когда еще больше русских появятся на украинской земле, что нам как-то придется идти на попятную. Мы запустим маховик (санкций), и Россия будет постоянно страдать от возрастающей экономической изоляции», – заявил Кэмерон.*

В данном случае тактика угрозы выражена эксплицитно на лексическом уровне лишь в заголовке новостного материала, а агрессивный прагматический потенциал контекстуально поддержан призывами и обещаниями британского политика ухуд-

шить экономическое положение России. Глагольные формы будущего времени (*‘запустим’*, *‘будет ... страдать’*) не только репрезентируют тактику угрозы, но и экстраполируют размышления Дэвида Кэмерона о положении дел в будущее, что дает основание квалифицировать данный текст как прогностическое высказывание.

Как было указано выше, угроза может быть реакцией одной стороны на действия другой. Найдим примеры такой реализации анализируемой тактики в новостных материалах. 27 января 2015 г. на сайте одного из ведущих новостных российских интернет-изданий «Lenta.ru» был размещен материал под заголовком *Медведев пригрозил ответить на отключение SWIFT «реакцией без ограничений»*. Напомним, что SWIFT – это международная межбанковская система передачи информации и совершения платежей, а в сентябре 2014 г. и в январе 2015 г. Европейский союз призвал к новым ограничительным мерам против России, среди которых и отключение от системы SWIFT. Такая угроза не могла не привести к ответной угрозе, о чем заявил премьер-министр России: *Угрозы западных стран ввести ограничения на операции по межбанковской системе платежей SWIFT приведут к реакции России, которая будет «без ограничений»*. Об этом заявил премьер-министр Дмитрий Медведев на совещании по вопросам животноводства, сообщает ТАСС.

В данном случае реализация тактики угрозы сопряжена с бытованием еще одного жанра современного политического дискурса, а именно политического комментария, который постоянно эволюционирует и трансформируется. Так, если в 2014 г. при характеристике комментариев политиков и представителей соответствующих властных структур по актуальным вопросам современной общественно-политической жизни указывалось на то, что «данная разновидность анализируемого информационно-аналитического жанра, как правило, лишена конфликтогенного потенциала» [10, с. 100], то в данном случае комментарий Д. А. Медведева репрезентирует конфронтационную стратегию в одной из ее разновидностей, а именно тактика угрозы.

Представляется, что реализация тактики угрозы как эмоциональной реакции в современном политическом дискурсе на материале новостных жанров не поддается четкой идентификации и детальному описанию, так как любая деструктивная реакция является эмоциентрированной (равно как соответствующий тип дискурса – конфликтный). Однако можно отнести к такому случаю реализации тактики угрозы примеры, когда соответствующее поведение детерминировано действиями не столько оппонента в отношении того или иного

субъекта политической коммуникации, а сколько третьего лица.

Например, 15 сентября 2015 г. на сайте российского федерального телеканала «ТВ Центр» был размещен материал под заголовком *США пригрозили России изоляцией за поддержку Асада*. Последние события еще раз доказывают мысль о том, что по вопросу Сирии Россия откровенно противостоит западным странам. Такая позиция не устраивала и не устраивает США, о чем заявил пресс-секретарь Белого дома Джошуа Эрнест: *Россия столкнется с международной изоляцией, если она продолжит оказывать поддержку президенту Сирии Башару Асаду. Такое заявление сделал пресс-секретарь Белого дома Джошуа Эрнест, передает ТАСС. По его словам, если Москва не присоединится к возглавляемой США международной коалиции, которая проводит контртеррористическую операцию в Ираке и Сирии и будет поддерживать Асада, это «изолирует их от международного сообщества еще больше». «Они бы выполняли задачи, противоположные тем, что стоят перед 60 странами, которые в рамках коалиции во главе с США борются с «Исламским государством», – отметил Эрнест.*

В данном случае тактика угрозы реализуется через такую прагматическую характеристику текста, как темпоральность: высказывание представ-

ляет рефлексию по поводу будущего положения дел и маркировано лексико-грамматическими показателями будущности. Другой отличительной особенностью тактики угрозы в данном материале является соблюдение определенных условий для элиминации последствий угрозы; с этой целью используются придаточные предложения условия ('если ... , то'): *если Москва не присоединится <...>, это изолирует их от международного сообщества еще больше*. Наконец, угроза как способ речевого воздействия в данном новостном материале сопряжена с тактикой совета, которая на лексическом уровне выражена через сослагательное наклонение: *они бы выполняли задачи*.

Таким образом, рассмотрены случаи реализации тактики угрозы на материале новостных жанров, когда она выражена эксплицитно с помощью лексических, грамматических и других языковых показателей. К возможным перспективам исследования можно отнести анализ когнитивно маркированных случаев тактики угрозы (равно как и других тактик, репрезентирующих конфронтационную стратегию), когда отсутствует четкая экспликация агрессивного прагматического потенциала на речевом уровне. Именно последние случаи требуют от исследователя дополнительных усилий при классификации тех или иных высказываний как деструктивных и обладающих агрессивным потенциалом.

Список литературы

1. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: медийные коммуникативные универсалии // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2015. № 9. С. 19–27.
2. Кошкарлова Н. Н. Конфликтный vs. кооперативный дискурс в политической коммуникации. Челябинск: СИМАРС, 2013. 268 с.
3. Кошкарлова Н. Н. Политическое интервью межкультурного уровня: реализация конфронтационной и кооперативной стратегий // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2015. № 4 (157). С. 148–152.
4. Кошкарлова Н. Н. Новостные жанры: реализация моделей конфликтного и кооперативного типов дискурса // Вестн. Новосибирского гос. ун-та. 2015. Том 14, выпуск 6. С. 146–150.
5. Карасик В. И. Характеристики педагогического дискурса // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики. Волгоград: Перемена, 1999. С. 3–18.
6. Карасик В. И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. Волгоград: Перемена, 1999. С. 5–19.
7. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
8. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
9. Руженцева Н. Б. Межнациональный дискурс: модель в контексте эпохи. Екатеринбург: УрГПУ, 2013. 292 с.
10. Кошкарлова Н. Н. Трансформация жанра политического комментария в современной массовой коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 3 (40). С. 98–103.

Кошкарлова Н. Н., доктор филологических наук, доцент.
Южно-Уральский государственный университет.
Пр. Ленина, 76, Челябинск, Россия, 454080.
E-mail: nkoshka@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 09.03.2016.

N. N. Koshkarova

TACTIC OF THREAT AS REALIZATION OF CONFRONTATIONAL STRATEGY IN NEWS GENRE

The paper is devoted to the analysis of threat tactic realization on the basis of the news genre. The threat tactic represents the confrontational strategy which exists in the framework of the linguopragmatic block of the coherent models of the conflict and congruous types of discourse. News genre is viewed as functioning in the intercultural political space. The author singles out three cases of the threat tactic realization: the beginning of the conflict communication, the response to some kind of action on the part of the opponent (or the third part), emotional reaction. All the above-mentioned cases present the explication of the threat tactic with the help of lexical, grammatical and other language factors. Outlines the prospects for further research to which belong the analysis of cognitive marked cases of threat tactic realization when the researcher needs additional efforts to classify these or those utterances as being destructive.

Key words: *confrontational strategy, tactic of threat, news genre, conflict discourse, modelling.*

References

1. Bolotnova N. S. Kommunikativnaya stilistika teksta: mediynye kommunikativnye universalii [Communicative stylistics of text: media communicative universals]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2015, no. 9, pp. 19–27 (in Russian).
2. Koshkarova N. N. *Konfliktnyy vs. kooperativnyy diskurs v politicheskoy kommunikatsii* [Conflict vs. collaborative discourse in political communication]. Chelyabinsk, SIMARS Publ., 2013. 268 p. (in Russian).
3. Koshkarova N. N. Politicheskoye interv'yu mezhkul'turnogo urovnya: realizatsiya konfrontatsionnoy i kooperativnoy strategiy [Intercultural political interview: realization of confrontational and cooperative strategies]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2015, no. 4 (157), pp. 148–152 (in Russian).
4. Koshkarova N. N. Novostnye zhanry: realizatsiya modeley konfliktного i kooperativnogo tipov diskursa [News genre: realization of the model of conflict and collaborative types of discourse]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta – NSU Bulletin*, 2015, vol.14, Issue 6, pp. 146–150 (in Russian).
5. Karasik V. I. Kharakteristiki pedagogicheskogo diskursa [Characteristics of the pedagogical discourse]. *Yazykovaya lichnost': aspekty lingvistiki i lingvodidaktiki* [Language personality: linguistics and linguodidactics aspects]. Volgograd, Peremena Publ., 1999, pp. 3–18 (in Russian).
6. Karasik V. I. Religioznyy diskurs [Religious discourse]. *Yazykovaya lichnost': problemy lingvokul'turologii i funktsional'noy semantiki* [Language personality: issues of linguoculture and functional semantics]. Volgograd, Peremena Publ., 1999. Pp. 5–19 (in Russian).
7. Karasik V. I. O tipakh diskursa [About the types of discourse]. *Yazykovaya lichnost': institutsional'nyy i personal'nyy diskurs* [Language personality: institutional and personal discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2000. Pp. 5–20 (in Russian).
8. Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p. (in Russian).
9. Ruzhentseva N. B. *Mezhnatsional'nyy diskurs: model' v kontekste epokhi* [International discourse; model in the epoch context]. Ekaterinburg, UrGPU Publ., 2013. 292 p. (in Russian).
10. Koshkarova N. N. Transformatsiya zhanra politicheskogo kommentariya v sovremennoy massovoy kommunikatsii [Transformation of the intercultural political commentary genre in modern mass communication]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2014, no. 3 (40), pp. 98–103 (in Russian).

Koshkarova N. N.

South Ural State University.

Pr. Lenina, 76, Chelyabinsk, Russia, 454080.

E-mail: nksohka@rambler.ru